

*Н. П. Иванова***ТЕМА ДВОЙНИЧЕСТВА В РОМАНЕ
М. И. ВОСКРЕСЕНСКОГО «ПРОКЛЯТОЕ МЕСТО»**

Поступила в редакцию 25.02.2022 г.

Рецензия от 04.07.2022 г.

61

Тема двойничества в романе «Проклятое место» (1838) писателя «второго ряда» М. И. Воскресенского раскрывается на примере главного героя романа, личность которого претерпевает изменения на протяжении трех лет, и женских образов-двойников, имеющих внешнее сходство, но совершенно разную сущность. Двойничество выполняет важную сюжетобразующую роль, раскрывающую характеры героев. В то же время двойничество женских образов становится моментом испытания персонажей, проверкой их нравственного чувства. Мужские образы (Линский и Лонский) не проходят этой проверки, женские (Клавдия и Машиа) благодаря двойничеству открывают для себя истинные ценности жизни, которые заключаются не в любви к мужчине и не в богатстве, а в следовании чувству долга перед родителями и природным наклонностям. Таким образом, двойничество в нравоописательном романе «Проклятое место» раскрывает сущностные характеристики персонажей. Именно на нравственной оценке героев делают акцент рассказчик и автор произведения.

The topic "duality" in novel "The damned place", written by M. I. Voskresensky, little known author of the "second line" is revealed through the changes the main character has undergone within three years and female twin-images, who look similar, but differ in nature. Duality plays a significant role in novel's plot, it reveals characters' personalities. At the same time duality of female images becomes a moment of their testing, examination of their morality and feelings. Male images (Linsky and Lonsky) do not pass this test, female ones (Claudia and Masha), thanks to duality, discover the true values of life, which are not in love for a man and not in wealth, but in following a sense of duty to parents and natural inclinations. Thus, the duality in the moralistic novel *The Cursed Place* reveals the true nature of the characters. It is the moral assessment of the characters that the narrator and the author focus on.

Ключевые слова: герой, двойничество, двойник, нравописание, роман, романтизм, тема

Keywords: character, duality, double, moral description, novel, romanticism, topic

Термины «двойник», «двойничество» достаточно хорошо освещены в отечественном литературоведении (см. работы Л. А. Абрамяна [1], М. М. Бахтина [3], Е. М. Мелетинского [9], О. М. Фрейденберг [12] и др.). Тема двойничества раскрывается через образы героев-двойников в лите-

ратуре русского романтизма — в творчестве В. Ф. Одоевского, Н. А. Полевого, М. П. Погодина и других русских писателей первой трети XIX в. Мы обратимся к малоизученному и забытому писателю середины XIX в. М. И. Воскресенскому и к его роману «Проклятое место» (1838), который был переиздан вторично только в 1858 г. Заметим, что Воскресенский не относится к писателям-романтикам. Он, как писатель «второго ряда», исследует в своем творчестве элементы романтизма, сентиментализма, но в целом его тексты относятся к нравоописательной литературе. Тема двойничества исследована в основном как явление романтизма [6; 8; 10], применительно к нравоописательным произведениям она не затрагивалась вовсе.

62

В начале романа тема двойничества связана со зловещим «проклятым местом», куда направляется главный герой романа. Оно отделено от подмосковного Кунцева рекой, это своего рода «пространство смерти» (по О. М. Фрейденберг) [12]. Место оказывается судьбоносным для главного героя романа Валериана Петровича Линского: здесь он встречает свою любовь — Клавдию, здесь он намерен покончить собой, здесь же в решающий момент его спасает от самоубийства Пётр Иванович Кастаньский, в дальнейшем определивший судьбу героя.

В проклятом месте оказываются два Валериана: бедный, отчаявшийся устроить свою жизнь чиновник Линский — молодой человек, «потерявшийся» в жизни, и проводник к проклятому месту — юноша Валериан, «безумный малый» [5, т. 1, с. 25], имя которого совпадает с именем главного героя.

Тема двойничества раскрывается в образе Линского на разных этапах его жизни: бедный чиновник — это одна сторона его личности, светский человек — другая его ипостась. При этом преобразование героя, его своего рода превращение происходит мгновенно. Как только он садится в богатую коляску Кастаньского, он становится как будто другим человеком: ощущает себя попавшим в новый мир, «ласковый, приветливый, теплый, светлый... <...> Будто с него *вдруг* спало какое-то тяжкое бремя, будто он выздоровел *вдруг* от тяжелой и продолжительной болезни... Он даже изменился и физически: лицо его приняло благородное и веселое выражение. Морщины на лбу исчезли, в глазах засветилась поэзия, малейшие движения его сделались как-то грациознее... коляска сделала его красавцем» (курсив мой. — Н. И.) [5, т. 1, с. 28–29]. В этот момент и далее Валериан Петрович перестает быть собой, бедный чиновник в нем будто исчезает и преобразуется в светского человека.

До переезда в дом Кастаньского и заключения с ним фаустианской сделки Линский винит в своих неудачах (потеря благодетельницы, снабжавшей его деньгами, и служебного места, дававшего ему небольшой, но стабильный доход) обстоятельства. Герой живет надеждой на благодетельство. Он делает все для обеспечения мало-мальски приличного существования. Чувство собственного достоинства Линского задевают случаи, демонстрирующие несправедливость общественного уклада. Со службы его увольняют за дерзость, сказанную в ответ на замечание о ветхости одежды. В поисках приработка герой вынужден давать уроки, но получает отказы по причине бедности фрака. Попытка заняться литературным трудом также ни к чему не приводит. Валериан Петрович

пишет роман, продажа которого дает ему возможность расплатиться с долгами, но жить без работы, на которую не берут без чьей-нибудь протекции, невозможно.

«Маленький человек» оказывается в тупике, средств к существованию у него нет совсем. Среда не благоволит к герою-бедняку. В этом Воскресенский следует традиции «натуральной школы». Ср. описание комнаты Линского: «Везде пустота, везде следы бедности в последней степени». Ножки стола были слабы «как у больного», «три стула разных фигур и цветов, сходявшиеся между собой только в одном, что они были стары и ненадежны для сиденья; ширмы сомнительного цвета, загораживающие столь бедную кровать, что она, как будто чувствуя свою некрасивость, пряталась от взоров посетителей» [5, т. 1, с. 121 – 122].

Таким образом, Линский представляет собой «маленького человека», который пытается вырваться из нищеты, и это социальное неблагополучие определяет его жизнь. Поэтому, когда Кастаньский ссужает его деньгами, Валерьян Петрович не может отказаться от такого щедрого подарка – ста тысяч годовых. Он искренне верит, что счастье его только это и определяет. К тому же условия получения денег выполнимы: женитьба на девушке, в которую Линский влюблен.

Перемены в жизни героя, делающие его богатым человеком, приводят к большим изменениям его личности. Двойничество применительно к Линскому не соответствует его трактовке в романтизме, с его характерным несовпадением идеала и действительности. «“Переживание раздвоения, отчуждения себя – это почти обязательное условие самознания”. Это отражение философского романтического дуализма реализуется в комплексе поэтических приемов строения текста и способов повествования, основанных на поэтическом использовании дуальных моделей» [7, с. 6]. Воскресенский представляет нам героя, идеал которого – благополучная жизнь, к тому же с любимой женщиной, – реализуется. В Линском двойничество явлено только на социальном уровне: бедность и богатство. Линский – бедный чиновник и Линский – светский человек – это разные люди.

Фамилия *Линский* отсылает нас к пушкинскому Ленскому. Только Линский – не романтический герой. Он далек от представлений пушкинского персонажа, героев роднит лишь отношение к женщине. Появление женского образа в романе происходит с обретением Линским портрета, в который герой романтически влюбляется. С портретом прекрасной незнакомки, Мадонны, как именует ее герой, тема двойничества находит новое раскрытие в двух женских образах: Маши и Клавдии.

Вначале и читатель, и герой пребывают в неведении относительно оригинала портрета. Незнакомка предстает, как кажется, в раздвоенном виде: Линский встречает девушку – абсолютную копию изображения, называющую себя то Клавдией, то Машей. Ее появление в романе предваряется описанием портрета, служившего вывеской над цирюльней: «Это был не портрет женщины... Это был идеал возможной красоты... На это изображение хотелось не смотреть, а молиться ему» [5, т. 1, с. 65]. Однако в сравнении с романтическим представлением об искусстве художника роман Воскресенского дает вполне прозаический взгляд на поразивший героя портрет.

Рассказ Кастаньского о своей жизни отчасти проясняет загадку, которую предстоит разгадать Валерьяну Петровичу. Кастаньский, будущий живописцем-любителем, рисует портрет княжны Клавдии, в которую безнадежно влюблен. В отместку за ее подсмеивания над его чувствами он вешает портрет прекрасной Клавдии над цирюльней своего крепостного Антона. По воле случая дочь Антона Маша является абсолютной копией портрета. Таким образом, на портрете изображается женщина, в реальности имеющая два прототипа. Идеал, представленный в портрете, не выдумка, не плод фантазии художника, а сама действительность.

Образы Маши и княжны Клавдии Сицкой раскрываются во взаимоотношениях с тремя мужскими персонажами: Кастаньским, Линским и Лонским. Благодаря Кастаньскому Клавдия знакомится с Валерьяном Петровичем, который, согласно условленному трехлетнему сроку, должен жениться на девушке с портрета, и влюбленность Клавдии в него, как кажется, снимает возникающие затруднения. Но союз влюбленных невозможен из-за договоренности отца Клавдии, князя Сицкого, с покойным другом, с которым они сосватали своих детей — Клавдию и Александра Лонского.

Разрешить ситуацию берется Маша, которую Линский случайно встречает и приглашает к себе в дом, желая облагодетельствовать дочь своего доброго знакомого цирюльника Антона.

Заметим, что когда Антон с Валерианом Петровичем приходят на «проклятое место», чтобы встретить Машу, цирюльник Антон абсолютно убежден, что видит свою дочь, в то время как перед ним Клавдия [5, т. 1, с. 87].

С образами Маши и Антона в роман входит тема блудной дочери. Маша, как и пушкинская Дуня из «Станционного смотрителя», бежит из отцовского дома, польстившись на любовь «развратного господчика» [5, т. 1, с. 75].

Как и пушкинская Дуня, Маша — «единственное утешение» [5, т. 1, с. 75] в жизни отца, рано потерявшего жену. Маша так же привлекает своей красотой посетителей: цирюльня «богатела день ото дня от пригожей девушки... часто молодые люди по три раза в день заходили брить себе бороду...» [5, т. 1, с. 75]. Однако, в отличие от пушкинской героини, Маша судьба складывается печально: соблазнитель бросает ее, и девушка возвращается к отцу. Отец не принимает дочери, проклинает ее, и Маша вынуждена «торговать своими прелестями» [5, т. 1, с. 75].

Маша, которую Линский случайно находит, принимает предложение Валериана Петровича поселиться в его доме, так как ей некуда идти. Образ Маши приводит героя к двойственным чувствам, «странным, неизъяснимым». «Он рад был увидеть очаровательную девушку, но в то же время как будто какой-то непостижимый страх отталкивал его от нее. Внутри себя он чувствовал голос, как будто предостерегавший его от этого милого двойника Клавдии» [5, т. 3, с. 56—57]. С одной стороны, он любит недоступную ему чужую невесту Клавдию, с другой — видит у себя дома ее абсолютного двойника Машу, расположенную к нему всем своим существом. Девушка притягивает его, к ней Валерьян Петрович испытывает сильнейшее физическое влечение: он «жадными глазами впи-

вался в нее... Черты лица ея, столь знакомые ему как по таинственной картине, так и по обыкновенной мечте его, манили, тянули его к себе, как магнит железо» [5, т. 3, с. 58].

Заметим, что Маша — бывалая девушка, она «коварно» улыбается молодому барину, пользуется своей привлекательностью, не стесняясь откровенно нравиться богатому господину. Маше не привыкать к роли любовницы. Покинув кров отца, она многое испытала. Как и Линский до встречи с Кастальским, девушка ищет благодетеля. Отец проклял ее и не простил бегства из дома, и Маше остается заискивать перед теми, кто может быть полезен ей: «У несчастных один кров — дом их благодетеля», — признается она [5, т. 3, с. 58].

Рано потерявшая мать и воспитанная своей крестной в богатом доме, где она часто бывала, Маша ощущает внутреннюю раздвоенность. С одной стороны, она дочь цирюльника, и ее положение на социальной лестнице низкое. С другой стороны, Маша полна предчувствий, связанных с ощущением не своего места в сложившихся обстоятельствах. Она чувствует, что место ее — в свете, и это предощущение подтверждает гадание цыганки. «Я почти гнушалась моим бедным состоянием; мне все казалось, что я бы могла, да и должна была быть чем-то большим, лучшим, нежели как я была в самом деле... Мне все говорили, что я не похожа на дочь цирюльника, а на знатную, образованную барышню!» [5, т. 3, с. 62].

Познакомившись с Клавдией, Линский убедился «в необыкновенном сходстве ея с Машей. Это просто была она, только в другом костюме; даже звуки ея голоса, походка, манеры — все было решительно одинаково» [5 т. 3, с. 72]. В связи с этим описанием «двойничества» применительно к рассматриваемым женским образам трактуется как «случайное или наследственное сходство двух лиц» [13, S. 94 — 102].

Валериан Петрович оказывается влюбленным в двух женщин. «Роман его сердца был в двух одинаких экземплярах... На обеих их, взятых вместе, он смотрел как на одно существо... В них видел он духовную и телесную женщину. Одна была вся *любовь*, другая вся *желание*; одна была для него неприкосновенна, как святыня; другая была почти послушной игрушкой его чувственности» [5, т. 3, с. 83 — 84].

Рассказчик сочувствует участи «бедной» Маши, на которую герой смотрел как на «платье, скинутое любимую женщиною» [5, т. 3, с. 84]. Маша в этой игре в любовь проигрывает, так как в ней уже нет для Линского женской тайны.

Узнав от своего любовника о сопернице и о невозможности быть вместе, Маша предлагает Линскому странное решение: подмену. Двойничество — сходство девушек — призвано, по мысли Маши, помочь Валериану Петровичу соединиться с Клавдией, если Маша заступит на ее место. И Маше действительно удается осуществить свой план. Она быстро входит в роль княжны, быстро запоминает все подробности ее жизни и выдерживает экзамен: проведя день в доме князя Сицкого, Маша осваивается до того, что остается неузнанной, никто не заподозрил подмены. Маше привычен театр, привычна роль актрисы, и она, во имя искомого — настоящей роли светской женщины, богатой, знатной — готова играть.

Если Машей движет тщеславие — она, благодаря абсолютному сходству с соперницей, становится княжной Сицкой, а вскоре и княгиней

Лонской, выйдя замуж за нелюбимого и нечестного, как мы знаем, человека, — то Клавдия, в пылу «исступления, фанатизма» [5, т. 3, с. 82] любви к Линскому, которого едва знает, соглашаясь на подмену, теряет все. Главное же — связь с горячо любимыми родителями, по отношению к которым она чувствует себя беглянкой, «из слепой страсти насмеявшейся над их сердцем» [5, т. 3, с. 125].

Подмена девушек, по мнению рассказчика, — это ложь, порочное деяние, на почве которого «цветок счастья не расцветает» [5, т. 3, с. 125]. Поэтому день свадьбы для Клавдии не становится счастливым, несмотря на любовь к жениху, ведь девушка чувствует свою вину перед родителями и родительское благословение не приносит искомого: оно обращено к послушной родительской воле дочери, которую «Провидение награждает счастливой судьбой» [5, т. 3, с. 129]. Вся жизнь Клавдии в браке — неискупимое страдание.

Та же участь страдания выпадает на долю и Маши. Символичны сцены венчания обеих женщин: свеча Маши «задрожала и выпала из рук», когда она услышала знакомый голос цыгана, с которым много бродяжничала в роли танцовщицы. Венчальная свеча Клавдии сгорела раньше свечи жениха, что, по народному поверью, означало болезнь или преждевременную смерть. Амбивалентна символика дождя в день свадьбы: одни считают, что это к предстоящему богатству, другие — к слезам [5, т. 3, с. 135].

Отношения двойников Маши и Клавдии складываются антагонистически после их замужества. Связано это с невозможностью для Клавдии примириться с потерей родителей. Противоборство двойников происходит в сцене прощания с умирающей матерью — княгиней Сицкой. Клавдия получает от Маши резкий отказ в посещении матери: «Я пожертвовала вам любовником и не прошу у вас свидания с ним. Вы пожертвовали мне отцом и матерью — откажитесь также и от свидания с ними. Комедия кончена» [5, т. 4, с. 25]. И Клавдия решается без позволения явиться в родительский дом, ища прощения. Княгиня Лонская (Маша) видит в этом вторжении угрозу своему состоянию, но хитростью выходит из опасного положения, объявляя Клавдию помешанной. Попытка Клавдии при встрече с отцом доказать свою принадлежность к роду Сицких не приводит к успеху: Маше и здесь удается убедить отца в помешательстве Клавдии.

Маша испытывает ненависть к счастливой сопернице, лишая ее «и наследства и имени княжеского». В задушевной беседе с Линским княгиня Лонская хвалится возможностью «попирать ногами» [5, т. 4, с. 16] своего двойника, забывая, что все, что она считает благом (богатство и высокое положение в обществе), не составляет счастья для Клавдии. Иначе она не поступилась бы словом отца, не отказалась от замужества с князем Линским, покинув родительский дом.

В повествовании между 3-й и 4-й частями проходят два года, с течением которых герои кардинально меняются. Клавдия, нарушив родительское благословение, не находит счастья в браке: «Много страдала бедная Клавдия за свой проступок; при всем своем ангельском терпении она иногда изнемогала духом и желала поскорее умереть» [5, т. 4, с. 29]. Она подурнела от болезни, явившейся следствием вины перед родителями и

разочарования в муже, охладевшем к ней, превратившемся в мота, развратника и пьяницу. Его романтическое отношение к Клавдии сменяется холодностью. Что касается отношения Линского к женщине вообще, то романтизм присутствует в нем лишь до момента обладания ею.

За два года Линский проживает ссуженные Кастальским деньги «безрассудно и бессовестно» [5, т. 4, с. 29–30]. Став богатым светским человеком, в своей новой жизни Валериан Петрович проявляет самые дурные качества, личность его деградирует, он предается всевозможным порокам: пьянству, разгулу, разврату и др. Для читателя странно то, что герой, получивший университетское образование, в своей новой жизни, найдя искомое, никак ни профессионально, ни лично себя не реализует. Он не употребляет внезапного богатства для его умножения, а, напротив, все силы прилагает к его расточительству. Он губит себя физически и нравственно, разоряет жену.

Благородство бедности (в прошлой жизни героя) сменяется подлостью богатого, пресыщенного удовольствиями человека. В этом смысле трактовка двойничества, данная А. М. Панченко, отвечает происходящему с Линским преобращению: «...двойничество — это порочное удвоение мира, которое проникает в человеческое сознание и связано с мотивом катастрофы, нарушения привычного хода вещей, когда размываются границы добра и зла» [11, с. 145]. Не гнушается герой даже шантажом княгини Лонской, требуя от нее присвоенных денег жены: «Мне не княгиня Лонская дает займы, а воровка Маша возвращает часть украденного у Клавдии» [5, т. 4, с. 18]. Деньги Линский стал добывать шулерством, приноровившись с новым приятелем, цыганом Алеко, обыгрывать богатых господ, среди которых оказывается и князь Лонский.

Его жена Маша, обретя искомое, став богатой светской женщиной, не находит счастья. «Чувство удовлетворенного мщения удовольствием своим почти заменило мне потерянную любовь» [5, т. 4, с. 18]. Она счастлива лишь тем, по ее словам, что не она ищет Линского, а он ее, невзирая даже на причину этого поиска — выманивание денег. Любви или привязанности к бездельнику мужу она не испытывает, и отношение неуважения друг к другу у них взаимно. В жизни Маша остается по сути той же, что и до замужества: женщиной свободного поведения.

Сравнивая характеры двойников, рассказчик отмечает: «Маша, похожая на княжну Клавдию лицом своим, слишком не похожа была на нее своими внутренними качествами», у нее «избалованный», несносный характер, ее отличает корыстолюбие, скупость, недовольство собой и «светскими приличиями, сковывающими ее необузданную доселе волю» [5, т. 4, с. 20]. Машу терзает внутренняя раздвоенность, ей «было все как-то неловко, хотелось чего-то другого... Иногда бывали минуты, когда богатая и блестящая княгиня Лонская завидовала в душе походной плясунье Маше, и отдала бы все свои бриллианты за простой васильковый веночек... [5, т. 4, с. 20]. (Вспомним пушкинскую Татьяну, которая, став светской дамой, все отдала бы за свою простую деревенскую жизнь.)

Фамилия мужа Маши — князя Лонского — неслучайно сходна с фамилией главного героя — Линского. Они также представляют собой один человеческий тип. Оба они — соблазнитель: Лонский обманывает Эмерику, Линский — Машу. Оба — карточные игроки, любители вина

и легкой наживы. Лонский женится на княжне Сицкой ради денег, оба проматывают приданое своих жен. В 4-й части романа Линский использует новость о родстве Маши и Клавдии в корыстных целях — чтобы прожить часть наследства прощенной отцом Клавдии. Линский и Лонский — бездельники, светские повесы, считающие главным счастьем деньги и свободу, причем последнее — невзирая на статус женатого мужчины [5, т. 4, с. 21].

Линский, в сравнении с Лонским, заходит далеко, ища сладострастных наслаждений с новой любовью, женой своего благодетеля Кастальского. «Загрубев в разврате» [5, т. 4, с. 20], он теряет чувство сострадания, решаясь на убийство самых близких людей: смертельно больной жены и своего благодетеля. Кроме того, Линский провоцирует убийство Маши, объявив Александру Лонскому об обмане подложной княжны Сицкой.

До случайной гибели Маши от рук собственного мужа происходит примирение двойников. Клавдия приходит к отцу, чтобы исполнить последнюю волю матери: найти свою сводную сестру. Тема двойничества, связанная с Клавдией и Машей, раскрывается в записках умершей княгини Сицкой. В них рассказывается история любви двух сестер-близнецов — Марии и Луизы, матерей девушек, любивших одного мужчину — князя Сицкого, от которого появились на свет героини романа.

В главе IV «Две сестры» 4-й части происходит примирение двойников, узнающих тайну своего родства. Эпиграфом к главе служат пушкинские строки:

Они сошлись: вода и камень,
Стихи и проза, лед и пламень...

В этой главе Линский разоблачает Машу перед князем Сицким, доказывая, благодаря свидетелю прошлой Машинной жизни Алеко, принадлежность ложной княжны Сицкой к группе походных комедиантов. Раскрытие истинного лица Маши нужно Валериану исключительно из корыстных соображений: растратить имущество Клавдии, которое, он уверен, ей оставит отец, простив дочь.

Что касается Клавдии, она не намерена была унижать соперницу, а, напротив, обратилась к ней с вопросом о покаянии, чтобы прежде объявления тайны о родстве помириться с найденной сестрой. Сестры действительно помирились, и Маша просила прощения, но радоваться обретению друг друга им пришлось недолго. Скорая случайная гибель Маши подорвала здоровье Клавдии. Линский же «хладнокровно смотрел на постепенное разрушение ее жизни. Вино и игра делают человека зверем», — замечает рассказчик [5, т. 4, с. 89].

Валериан Петрович все больше погружался в ужасную бездну разврата и пьянства, а «ужасный друг его Алеко цыган, как новый мефистофель, не выпускал из рук своих друга Фауста и, не давая ему ни на минуту опомниться от беспорядочной развратной жизни, увлекал его на самое дно погибели» [5, т. 4, с. 90].

Именно Алеко внушает Линскому мысль о двойном убийстве во имя овладения женой Кастальского.

Клавдия гибнет от рук собственного мужа, и в этом ее судьба сходна с судьбой сестры Маши. Однако если Машу Лонский ранит, находясь в

пьяном, аффективном состоянии, без умысла, то Линский убивает расчетливо, сознательно, не давая безнадежно больной Клавдии умереть естественной смертью, дожить свои последние дни.

Так, в романе Воскресенского героини-двойники гибнут не в результате бессилия перед внешними обстоятельствами, что характерно для романтических произведений [2], а вследствие собственной внутренней неустроенности, внутреннего разлада. Заметим, что виновником гибели обеих женщин становится Линский. Он же наказан судьбой за попытку лишить жизни и своего благодетеля Петра Ивановича Кастальского. Алеко убивает, перепутав спальни, не Кастальского, а его жену Эмерику, ради которой и были совершены убийства. Эмерика становится жертвой роковой ошибки.

Встреча с двойниками, Машей и Клавдией, поворачивает жизнь Линского в противоположное ожидаемому им самим русло. Став другим, обретя богатство и все вытекающие из этого блага, он использует двойничество женщин для собственного преуспеяния, а чувство любви к обеим покидает героя. Двойничество в образе Линского раскрывает его нравственное убожество.

В финале романа герой разоблачается Кастальским, с которым, согласно договору, по истечении трех лет он встречается в условленном проклятом месте. Валериан Петрович не раскаивается перед своим благодетелем в содеянных преступлениях. Мотив двойничества присутствует и здесь в упоминании Алеко, которого Кастальский именует двойником Линского: «...это был не человек, сообщник и друг злодейств твоих, а просто это был сам ты, это была олицетворенная твоя чувственность, двигавшая тебя на все злодеяния, которыми осквернил ты жизнь свою» [5, т. 4, с. 149].

Итак, Линский остается «потерявшимся», не выдерживая условий заключенного с Кастальским договора. Он не раскаивается в совершенных преступлениях, тем самым показывая, насколько утерян им человеческий облик. Судьба женских двойников трагична из-за нарушения моральных запретов, родительской воли. Но если женские образы двойников человечны (сострадательна и терпелива Клавдия, а Маша, несмотря на порочную жизнь, понимает ложность обретенных ценностей — богатства и высокого социального положения), то мужские куда ниже в нравственном отношении. Они не выдерживают ни одной из социальных ролей: неверные мужья, не любящие своих жен, люди, ничего не достигшие в карьере. Они живут, прожигая жизнь, следуя низменным привязанностям к вину, картам и разврату. Светская жизнь портит Линского, а искушение деньгами он не проходит.

Любопытна композиция романа, все четыре части которого оказываются четырехдневным сном Кастальского. Он — автор романа, и эта неожиданная концовка мистифицирует читателя, как будто сводя на нет оценки его героев. Важную роль в композиции романа играет топос «проклятого места», он цементирует сюжет. В проклятом месте в начале и в конце романа встречаются герои Линский и Кастальский, чтобы решить жизненно важные вопросы, правда, каждый свои. Линский в обоих случаях избирает проклятое место для самоубийства как потерявшийся в жизни человек. Проклятое место служит и местом свидания возлю-

бленных Клавдии и Валериана, и сюжетно решающим местом для дальнейшей судьбы героев. Здесь знакомятся друг с другом двойники Маша и Клавдия и принимают решение о подмене одна другой.

Таким образом, двойничество служит испытанием для героев: нравственным для Клавдии и социально-нравственным для Маши и Линского. Сюжетно и композиционно двойничество становится причиной гибели всех трех персонажей. Главное же в романе, по замечанию В.Г. Белинского, — акцент писателя на «нравственной цели, которой почтенный автор не терял ни на минуту из виду» [4, с. 94].

Список литературы

70

1. *Абрамян Л. А.* Человек и его двойник: к вопросу об истоках близнецного культа и некоторые вопросы изучения этнических аспектов культуры. М., 1977.
2. *Аеранович З. С., Саморукова И. В.* Двойничество. Самара, 2001.
3. *Бахтин М. М.* Проблемы поэтики Достоевского. М., 1979.
4. *Белинский В. Г.* Полн. собр. соч. : в 12 т. Т. 3 : Статьи и рецензии (1839–1840). М., 1953.
5. *Воскресенский М. И.* Проклятое место : в 4 т. М., 1858.
6. *Грудкина Т. В.* Феномен двойничества в русской литературе XIX века: В. Ф. Одоевский, А. П. Чехов : автореф. дис. ... канд. филол. наук. Шуя, 2004.
7. *Козлова А. В.* Феномен двойничества и формы его выражения в русской прозе 1820–1830-х гг. : дис. ... канд. филол. наук. Томск, 1999.
8. *Манн Ю. В.* История русской литературы первой трети XIX века : учебник. М., 2016.
9. *Мелетинский Е. М.* О литературных архетипах. М., 1994.
10. *Новикова Е. В.* Типология героев-двойников и структурные особенности представления двойничества в произведениях Э. Т. А. Гофмана // Гуманитарные научные исследования. 2014. №11. С. 183–187. URL: <https://www.human.snauka.ru/2014/11/8202> (дата обращения: 20.02.2022).
11. *Панченко А. М.* О русской истории культуры. СПб., 2000.
12. *Фрейдберг О. М.* Поэтика сюжета и жанра. М., 1994.
13. *Frensel E.* Motiv der Weltliteratur. Kröner, 1992.

Об авторе

Наталья Петровна Иванова — канд. филол. наук, доц., Псковский государственный университет, Россия.

E-mail: nplechova@yandex.ru

The author

Dr Natalia P. Ivanova, Associate Professor, Pskov State University, Russia.

E-mail: nplechova@yandex.ru